

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

КОМНАТА БЕЗ ОКОН

*Она не помнит, как сюда попала.
Но стены этой комнаты помнят её.*

Денис Устинов

Комната без окон

<https://litres.ru/74484672>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре белые стены, глухой бетон и тишина, от которой звенит в ушах. Марина приходит в себя в замкнутом пространстве без окон и дверей. Из памяти стёрто всё: как она здесь оказалась, что произошло вчера и почему чужой голос из динамика обращается к ней по имени.

Голос не угрожает. Он лишь выдвигает одно условие: Марина получит свободу, когда вспомнит правду. Но какую правду скрывает её собственный разум? Что произошло той ночью в тёмном лесу? И кем на самом деле была женщина, оставившая в углу комнаты одиннадцать царапин на полу и пожелтевший дневник?

Чем дальше Марина погружается в осколки собственных воспоминаний, тем отчетливее понимает: выходу мешают не бетонные стены, а то, что она сама заставила себя забыть...

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Денис Устинов

Комната без окон

Глава

КОМНАТА БЕЗ ОКОН

Она не помнит, как сюда попала. Но стены этой комнаты помнят её.

ГЛАВА 1. Пробуждение

Первое, что я почувствовала, — холод. Он шёл снизу, от пола, просачивался сквозь тонкую ткань и полз по спине, будто кто-то водил по позвоночнику ледяной ладонью. Я открыла глаза не сразу — веки казались тяжёлыми, склеенными, словно я проспала не одну ночь, а несколько суток подряд.

Потолок надо мной был белым. Не просто светлым — стерильно, больнично белым, без единого пятна, без трещины, без люстры. Только в самом центре — круглая матовая панель, из которой лился ровный, безжизненный свет. Он не мигал, не менялся. Он просто был, будто существовал здесь всегда.

Я попыталась сесть и почувствовала, как закружилась голова. Тело слушалось плохо, руки дрожали, когда я упёрлась

ладонями в жёсткую, шершавую поверхность под собой. Не кровать. Что-то вроде матраса, тонкого, брошенного прямо на пол.

Где я?

Вопрос возник раньше, чем я успела испугаться. Испуг пришёл следом, вязкий, тягучий, поднимающийся от живота к горлу. Я обвела взглядом комнату — и поняла, что не узнаю её. Совсем.

Четыре стены. Ровные, гладкие, выкрашенные в тот же безликий белый цвет, что и потолок. Ни одной картины, ни одного пятна — ничего личного, ничего, что подсказало бы, чья это комната и почему я здесь. Только когда первый приступ паники немного отступил, я заставила себя оглядеться внимательнее и различить то, что пряталось за этой стерильной пустотой.

В углу стоял деревянный стул, простой, без спинки почти. У противоположной стены — узкая раковина и что-то похожее на дверцу шкафчика. За ней, как я обнаружила позже, скрывался тесный закуток с унитазом: единственная уступка комнаты элементарным нуждам тела. Рядом с раковиной, почти у самого пола, — узкий металлический лоток, встроенный прямо в стену, будто прорезь для почты. Внутри него лежали бутылка воды и что-то завёрнутое в бумагу — судя по форме, хлеб или что-то похожее.

Ни окон.

Воздух пах странно пусто — не сыростью подвала, как

можно было ожидать, а чем-то стерильным, почти больничным, будто помещение регулярно проветривали и обрабатывали, стирая любой намёк на то, кто и когда здесь бывал до меня.

Я моргнула, снова обвела комнату взглядом, ища хотя бы намёк на проём, на щель, откуда мог пробиваться дневной свет. Ничего. Стены были глухими со всех четырёх сторон, и от этой глухоты у меня свело живот.

Вспомни. Просто вспомни, что было вчера.

Но вчера не было. Была только пустота — ровная, гладкая, как эти стены. Я помнила своё имя. Марина. Помнила, что мне тридцать четыре года. Помнила голос мужа, звонящего с работы, помнила запах кофе на кухне. Но между этим обычным, узнаваемым утром и этой комнатой лежал провал, в который я не могла заглянуть, сколько ни пыталась.

Я поднесла руку к лицу и коснулась виска. Больно не было. Ни шишки, ни ссадины — ничего, что объяснило бы, откуда взялась эта дыра в памяти.

Сердце застучало быстрее.

Я встала медленно, держась за стену, и ноги подкосились не от слабости, а от того, что подошвы коснулись голого бетона, гладкого и неприятно скользкого. Босая. На мне была чужая одежда — простая серая рубашка и такие же серые брюки, мягкие, словно больничные. Свою одежду я не помнила вообще.

Первым делом я обошла комнату по периметру, прижи-

мая ладонь к стене, ощупывая каждый сантиметр в поисках хоть какой-то неровности. Дверь должна была быть. Не могло не быть двери — ведь кто-то же меня сюда принёс.

Но там, где по всем законам логики полагалось быть двери, стена оставалась такой же гладкой, как и везде. Ни щели, ни петель, ни намёка на ручку. Я упёрлась в неё обеими ладонями и толкнула — сначала осторожно, потом с силой, потом уже отчаянно, всем весом.

Стена не поддавалась ни на миллиметр.

Эй! — крикнула я, и голос сорвался, застрял где-то в горле. — Есть здесь кто-нибудь?

Тишина в ответ была настолько плотной, что казалась почти осязаемой. Я прижалась ухом к стене, пытаюсь уловить хоть какой-то звук снаружи — шаги, голоса, гул машин. Ничего. Только собственное дыхание, частое, сбивчивое, и стук крови в ушах.

Я опустилась на пол спиной к стене и обхватила колени руками. Тело начало трясти — не от холода уже, а от накатывающей паники, которую я пыталась удержать, считая вдохи.

Один. Два. Три.

Считать вслух я начала ещё в детстве, когда боялась темноты. Голос дрожал, но цифры помогали удерживать мысли от того, чтобы окончательно рассыпаться.

Четыре. Пять.

Где-то на счёте семь я заставила себя подняться снова. Паниковать сидя на полу было бессмысленно. Нужно было ис-

кать. Нужно было понять, что это за место и как отсюда выбраться.

Раковина в углу оказалась настоящей — из неё даже текла вода, когда я повернула единственный кран. Холодная, чистая на вид. Я умылась, и ледяные капли на лице немного привели меня в чувство. В шкафчике над раковиной не было зеркала — только пустая полка и больше ничего. Отсутствие зеркала царапнуло что-то внутри, необъяснимую тревогу, которую я не сумела бы облечь в слова.

Стул в углу привлёк моё внимание не сразу. Обычный деревянный стул, потёртый, старый. Я обошла его, провела пальцами по спинке — и замерла.

На обратной стороне сиденья, там, где древесина была чуть светлее, кто-то вырезал буквы. Неглубоко, явно не ножом — скорее чем-то острым, найденным здесь же. Две буквы и точка между ними.

А. К.

Не мои инициалы. Совершенно точно не мои.

Я опустилась на корточки, разглядывая находку, и почувствовала, как по коже снова пробежала дрожь — на этот раз не от пола под ногами, а от чего-то внутреннего, не имеющего отношения к температуре.

Кто-то был здесь до меня.

Мысль оформилась чётко, ясно, будто её произнёс кто-то другой прямо у меня в голове. Я обвела комнату новым взглядом — уже не как пленница, ищущая выход, а как че-

ловек, ищущий следы предыдущего пленника. И теперь, когда я знала, что искать, следы стали заметны почти сразу.

На полу, у самого плинтуса, — едва различимые царапины. Ряды коротких чёрточек, словно кто-то отмечал дни. Я насчитала одиннадцать, прежде чем линия обрывалась.

Одиннадцать дней. Или одиннадцать чего-то ещё.

Пальцы мелко задрожали, отказываясь слушаться.

Именно в этот момент комната ожила.

Тихий щелчок раздался откуда-то сверху, из той самой матовой панели на потолке, и следом — голос. Ровный, спокойный, без выражения, будто говорящий читал заранее написанный текст.

Здравствуйте, Марина.

Я замерла, вжавшись спиной в стену. Голос доносился отовсюду и одновременно ниоткуда, лишённый направления, лишённый тела, которому мог бы принадлежать.

Кто вы? — выдавила я, и собственный голос показался мне чужим, тонким. — Где я? Что происходит?

Пауза. Долгая, выверенная, словно говорящий наслаждался моим страхом.

Скоро вы всё вспомните, — произнёс голос наконец. — Важно только одно: вспомнить правду.

Какую правду? Я не понимаю, о чём вы!

Поймёте, — ответил голос, и в нём слышалось что-то похожее на сочувствие, почти нежность, от которой мне стало ещё страшнее, чем от угрозы. — У нас будет время.

Щелчок повторился, и тишина снова сомкнулась вокруг меня, плотная, безразличная. Я осталась стоять посреди комнаты, глядя на пустую матовую панель, из которой мину-ту назад звучал голос, знающий моё имя — и, кажется, зна-ющий обо мне, похоже, гораздо больше, чем я сама.

Я опустилась на матрас, обхватив колени руками, и долго сидела так, глядя в одну точку на стене, пытаюсь заставить себя не думать о худшем. Тело медленно успокаивалось, ды-хание выравнивалось, но внутри осталось новое, тревожное ощущение — будто голос, прозвучавший из динамика, знал обо мне что-то настолько важное, что я сама пока не могла даже предположить, что именно.

За стенами комнаты не раздавалось ни звука — ни шагов, ни голосов, ни отдалённого гула города. Полная, абсолютная изоляция, в которой я осталась наедине с собственным стра-хом и вопросами, на которые пока не было ни одного ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.